

Особенностью энциклопедии «Народы и религии мира» можно считать то, что в ней, как это видно из ее названия, наряду с народами охарактеризованы и религии современного мира, что следует считать первым подобного рода опытом в мировой практике энциклопедических изданий. Не лишним будет заметить, что этнические и национальные конфликты обычно так или иначе связаны с противоречиями на религиозной почве. Без анализа этноконфессиональных аспектов трудно, а то и просто невозможно бывает понять сущность указанных конфликтов, как и этнические культуры в их конкретном облики. По этой причине для адекватного показа всей картины этнокультурного многообразия нынешнего мира такая стыковка в одной энциклопедии характеристик этнических и религиозных параметров представляется весьма продуктивной.

В отличие от ранее выпускавшихся в нашей стране разного рода энциклопедических справочников по религиозной тематике в рецензируемой энциклопедии дается не жестко идеологизированная характеристика тех или иных конфессий, а их объективное, по возможности безоценочное научное описание, за исключением разве только некоторых деструктивных сект, в отношении которых и в демократических странах неоднократно возбуждались судебные процессы.

Уникальный свод сведений о религиях мира сконцентрирован в 489 статьях, которые можно разделить на несколько своеобразных уровней: статьи о религиях как мировых, так и национально-региональных, о религиозных направлениях в основных религиях, о течениях внутри важнейших направлений и, наконец, о конкретных церковных организациях. Так, в дополнение к статье о баптизме в целом имеется 25 статей о крупнейших баптистских церквях мира. При этом сведения о конфессиях, содержащиеся в данной энциклопедии, как правило, гораздо более полные, чем в прежних энциклопедических изданиях по сходной тематике, как отечественных, так и зарубежных.

Обе рецензируемые энциклопедии снабжены разделом «Общие понятия и термины», посвященным категориальному аппарату соответственно этнологии и религиоведения. Здесь публикуются некоторые статьи-гlossы с толкованием реалий и специальных терминов, встречающихся в статьях об отдельных этносах и конфессиях. Эти разделы как в той, так и в другой энциклопедии интересны тем, что в них с учетом новых методологических подходов, принятых в последнее время в зарубежной социальной и культурной антропологии, делается попытка пересмотреть некоторые существующие в отечественной этнографии трактовки ряда фундаментальных понятий, дефиниций, прежде всего в сфере изучения этнических процессов и социальной организации традиционных обществ. Думается, предложенная система дефиниций может оказать серьезное воздействие на созданную нашими учеными теорию этноса.

Заключающие энциклопедии алфавитные указатели этнонимов и краткие библиографии научных трудов по основным народам и религиям мира облегчают их использование, способствуют поиску более подробного и обширного материала по тем или иным этническим и религиозным сюжетам.

Завершая рецензию, хочется непременно отметить, что энциклопедии «Народы России» и «Народы и религии мира» на рубеже второго и третьего тысячелетий наглядно демонстрируют весьма высокий уровень отечественных наук о народах и религиях. В них по-новому освещается суть многочисленных и разнообразных этнополитических, этнодемографических, этносоциальных и этнокультурных проблем, в том числе этноконфессиональных, они представляют собой крупный вклад в разработку теоретико-методологических проблем исследования не только специфики развития традиционных обществ, но и современных этнических процессов. Их создатели своим скрупулезным, подчас самоотверженным трудом, безусловно, заслужили самой высокой оценки.

Н.Ф. Мокшин

© 2001 г., ЭО, № 2

А.Е. Тер-Саркисянц. Армяне. История и этнокультурные традиции. М., 1998. 397 с.

Немногим более двух лет прошло со дня выхода в свет рецензируемой монографии А.Е. Тер-Саркисянц. Представлять эту книгу на страницах «Этнографического обозрения» – задача непростая, поскольку использованный в ней богатейший фактический материал и его концептуальное осмысление намного превосходят

рамки отдельного издания. Каждая из поставленных здесь проблем, несомненно, может стать предметом специальной научной дискуссии.

По определению автора, монография – «обобщающее историко-этнографическое исследование об армянском народе», итог более чем тридцатилетней работы. Действительно, на сегодня данное исследование как по масштабу проблематики, так и по хронологическому охвату – от древнейших этапов истории армян вплоть до сегодняшнего дня – следует признать единственным в отечественной этнологии.

В арменоведении прошлого наиболее полным источником по этнографии армян, притом ограниченным только концом XIX – началом XX в., можно считать серию публикаций основателя армянской этнографии Е. Лалаяна для первого «Этнографического журнала» на армянском языке¹. Сколько-нибудь обобщающий характер по существу имеют ставшие уже классикой работы основоположника армянской этнографии Степана Лисициана. Самая полная его статья «Очерки этнографии дореволюционной Армении» (на русском языке опубликована лишь в 1955 г.)² стала основой главы по армянской этнографии для тома «Народы Кавказа» в издании «Народы мира»³. За советский период развития арменоведения в свет вышла единственная книга монографического плана, построенная скорее как учебное пособие, к тому же на армянском языке⁴. Основную же часть арменоведческой литературы как дореволюционного, так и советского времени составляют, как показывает приведенная в книге богатейшая библиография, хотя и блестящие, но частные изыскания, посвященные различным регионам Армении и ее диаспорам, притом частным сюжетам – материальной культуре, семье, обрядности, языку, верованиям, фольклору и т.п. Та же ситуация наблюдается и в зарубежном арменоведении, где можно найти очерки быта, культурных реалий отдельных армянских общин, колоний и поселений в странах Европы, Америки, Австралии, арабского Востока и т.д., но отсутствуют, насколько известно, обобщающие монографические исследования.

Обратимся к содержанию книги. Она открывается авторским введением, в котором содержится емкий по хронологическому охвату историографический очерк изучения армянского народа – древние и позднейшие (вплоть до современных) армянские источники, основные труды зарубежных, советских и российских исследователей. В следующем, общеисторическом, разделе Армения предстает перед читателем в нескольких аспектах – политическом, этническом и культурном. Самая объемная (более 160 с.) и насыщенная информативно глава «Этнокультурные традиции», состоящая из 10 разделов, включает классический набор этнографических сюжетов – жилище, одежда, пища, брак и семья, обрядность и пр. Отдельная глава – «Художественная и научно-образовательная культура». И наконец, содержательно связанное со всем предыдущим, но в то же время вполне самостоятельное исследование – последняя глава «Армянская диаспора в России». Книга завершается кратким заключением, посвященным прежде всего размышлениям о том, как и до какой степени подвержена различного рода трансформациям культурная специфика армян в среде этнокультурных традиций других народов, в данном случае на территории Российской Федерации. Приложение включает перечень источников иллюстраций и список сокращений. Следует отметить, что монография прекрасно иллюстрирована – около 80 черно-белых фотографий к разделам по различным сферам материальной культуры, обрядности и более 30 цветных, посвященных художественной культуре – архитектуре, костюму, ремеслам. Кроме того, в книге множество таблиц по демографии, структуре семьи, результатам опросов и анкетирования и пр., что придает эмпирической части текста необходимую весомость и доказательность.

Особо следует отметить колоссальную и весьма разнообразную источниковую базу монографии. Помимо опубликованных источников, архивных документов и музейных коллекций использованы данные государственных переписей, ранее неопубликованные материалы текущей статистики, похозяйственных книг (по 50 375 хозяйствам), записей (по 159 081 браку и 9462 разводам), данные анкетных опросов (500 чел.), включенного наблюдения и неформализованных интервью с информантами разных возрастов и социального статуса. Среди всех перечисленных источников внушительный массив составляют собственные полевые исследования автора. Они выполнены как индивидуально, так и в составе различных экспедиций на протяжении 1965–1997 гг. в 119 селениях Армении (в 58 – повторно), в 35 селениях Нагорного Карабаха (в 14 – повторно), в 20 селениях Грузии, (включая 10 селений в Абхазии), 4 селениях Нахичеванской АО Азербайджана, в 8 селениях Ростовской обл. (в 6 – повторно), в 7 селениях Краснодарского края, а также в Ереване, Степанакерте, Шуше, Баку, Тбилиси, Ахалцихе, Ахалкалаки, Сухуми, Батуми, Ставрополе, Краснодаре и других городах. Некоторые категории источников, особенно местного уровня, не переводятся на государственное хранение, они списываются и уничтожаются. В этом случае их фиксация и сохранение А.Е. Тер-Саркисянц приобретает особое значение.

Как было отмечено в начале рецензии, книга построена в традициях добротной этнографической

монографии. Насколько исчерпывающим в этом случае может быть портрет столь многоплановой и древней этнической культуры? Очевидно, именно стремление А.Е. Тер-Саркисянц к максимально полному освещению заявленной темы, притом в рамках одного тома, делает легко уязвимым любой раздел книги, с точки зрения специалиста и по материальной культуре, и по семье, и по обрядности, с позиций, скажем, антрополога, социолога, искусствоведа. Например, мне как историку искусства представляется досадно краткой глава, посвященная художественной культуре армян. Она содержит беглое упоминание музыкальной, литературной и театральной традиций, как народной, так и профессиональной. Что касается изобразительного искусства, то здесь обозначены основные области художественной деятельности – храмовое зодчество, резьба по камню (хачкары), миниатюра. Справедлива их оценка как выдающихся памятников средневековой армянской культуры, снискавших ей мировую славу. Эти образцы художественного творчества обычно принято относить к сфере профессионального искусства. В то же время в главе вовсе не затрагивается декоративно-прикладное искусство, которое традиционно квалифицируется как народное, но также по праву относится к рубрике «Художественная культура». Только в разделе «Хозяйственные занятия» находим сведения о развитии в Армении самобытных форм ювелирного искусства с использованием техник зерни, филиграни, чернения, о разновидностях высокохудожественного армянского ковроделия, прочих промыслах и ремеслах. Таким образом, сколь бы ни был компетентен автор в каждой из проблем, в однотомном издании достичь исчерпывающей полноты и системности изложения материала просто невозможно. Вынужденное ограничение текстовой части книги в высокой степени компенсируют исчерпывающие списки источников и примечания к каждой главе. Это придает монографии ценность первоклассного учебного пособия и статус энциклопедического издания.

Особое внимание следует обратить на последнюю главу «Армянская диаспора в России». Речь идет не просто о беглом обзоре текущей ситуации, призванном в качестве некоего дополнения «осовременить» классические этнографические сюжеты. Перед нами – полноценное, автономное исследование, настолько содержательно насыщенное, что, конечно же, требует внутреннего структурирования, которое содержится в самом тексте главы, но, к сожалению, не отражено в «Содержании». Масштаб задачи определен автором: исследовать некоторые дисперсные и компактные группы российских армян, уделив особое внимание их социально-культурной адаптации, степени сохранности этнической специфики, родного языка и самосознания. Важна также оговорка, что Россия рассматривается здесь как «Российское государство в его исторически менявшихся границах». Поэтому в начале исследования излагается история формирования армянских диаспор на территории Киевской Руси, затем анализируются конкретные центры расселения армян, включая Украину и Крым, Молдавию, Среднюю Азию, Северный Кавказ. Особое внимание уделено историческому сложению диаспор Москвы и Санкт-Петербурга. Здесь также поражает объем выполненной автором работы, поскольку история каждой из региональных диаспор может стать предметом отдельного исследования, притом речь идет о поле деятельности для целого коллектива ученых.

Особую научную ценность этой главе придают подразделы, посвященные компактным поселениям армян на юге России – в Ростовской обл. (донские, или новонахичеванские, армяне), Краснодарском (амшенские армяне) и Ставропольском краях. Основой здесь служат не только письменные источники, но прежде всего собственные полевые данные автора, собранные в экспедициях 1990-х годов. Особенно подробно рассмотрены проблемы семейно-брачных отношений армян, сохранности их языковой и этнической идентичности, основные сферы семейной обрядности. Именно эти, самые значимые темы опираются на данные многочисленных таблиц, в которых автор суммировал ценнейший фактический материал.

Еще одно очевидное достоинство книги – успешная попытка все изучаемые этнокультурные процессы по возможности представить в динамике. Использование автором популярного в современной мировой этнологической практике метода включенного наблюдения ставит данное исследование в общий контекст исследований по аналогичной проблематике и включает в равноправный диалог российской и зарубежных этнологических школ. Тем более что представленный в последней главе уникальный синтез источников разного рода, в том числе и письменных, с методикой включенного наблюдения делает результаты исследования более объективными.

Глава «Армянская диаспора в России» – несомненный вклад в сравнительное изучение этнокультурных традиций одного народа, живущего в разнообразном этническом окружении; в этом смысле армяне действительно представляют собой один из удачнейших объектов. Введенный А.Е. Тер-Саркисянц в научный оборот значительный материал по территориально-локальным вариантам функционирования и воспроизводства армянской культуры, с одной стороны, имеет общетеоретическое значение, а с другой – реальную прикладную ценность. И то, и другое насущно необходимо для такого многонационального государства, как

Россия, принявшего на себя вследствие распада огромной советской империи основной удар. В этом контексте остроактуальные материалы главы, посвященные таким новым реалиям, как беженцы и вынужденные переселенцы, приобретают особую важность. Для страны, где уровень этнических миграций сегодня так высок и имеет тенденцию лишь к дальнейшему повышению, понимание и «узнавание» самых разных проявлений этничности для оптимального государственного и общественного регулирования межэтнических отношений приобретает неопределимое значение. Очевидно, что позитивное разрешение этих задач в огромной степени будет способствовать сохранению гражданского мира в России.

Содержательный обзор монографии А.Е. Тер-Саркисянц приводит в выводу, что ее фактологическую основу составляют полевые материалы. Очевидный приоритет автора в выборе источников дает повод задуматься о месте полевого материала в структуре этнологического исследования на исходе XX столетия и его значении для этнологии как научной дисциплины в целом. Эта тема занимает, видимо, не только нас – она стала предметом обсуждения на отдельной секции 4-й конференции Европейской ассоциации социальных антропологов в Барселоне в 1996 г. В работах этнографов прошлого и начала нынешнего века приходилось не раз встречать суждение о том, что этнография кончилась именно на их поколении вместе с их последними исследованиями; подобные опасения высказывают и наши старшие коллеги. При этом подразумевается, видимо, что модернизация слишком сильно затронула «классический» предмет исследования – под влиянием индустриальных цивилизаций разрушены традиционные общественные и семейные институты, «вымываются» из реальной этнокультурной практики объекты традиционной материальной культуры и производства.

В известном смысле каждое поколение исследователей имеет основания считать свои полевые материалы «последними крупными традиционного культурного опыта». Однако именно XX век внес в относительно плавное, эволюционное развитие человеческих культур беспрецедентные коррективы – научный прогресс в сфере информатизации и глобализация коммуникаций, техногенное давление на среду обитания, а после распада Советского Союза – еще и начало нового этапа пересмотра границ и пердела сфер влияния. Все это приводит, в частности, к усилению массовых миграций, трансформации и стиранию культурных границ и, как следствие, – к изменению сложившихся параметров культурной идентичности. Есть основания предположить, что динамика этих процессов вряд ли замедлится в начале третьего тысячелетия и уже немногочисленные на сегодня культурные изоляты (высокогорные, островные, тропические и т.п.), сохранившие в какой-то мере культурно-хозяйственные модели «традиционного» типа, натиска извне вряд ли смогут избежать. Таким образом, следующее за нами поколение этнологов окажется перед лицом совершенно иной культурной реальности, даже общие очертания которой мы не в состоянии прогнозировать сегодня.

Итак, насколько можно согласиться с дискутируемым сегодня мнением о «конце этнографии» вместе с окончанием века, по крайней мере классической этнографии, сложившейся в европейской научной традиции колониальной эпохи? Ведь если слухи о конце этнографии как науки явно преувеличены, следует все же признать, что ее классическая модель, основанная прежде всего на полевых исследованиях, притом с большим интересом к факту, нежели к его интерпретации, сегодня действительно становится мишенью для критики как раз за ее «эмпиричность» и подвергается значительной трансформации.

Возможно, именно ускоренные общецивилизационные процессы способствовали также сравнительно быстрой смене научной парадигмы в этнологии и антропологии (и не только в этих дисциплинах) от преимущественно описательной к преимущественно теоретической. Подобное изменение ценностных критериев вызвано, вероятно, потребностью в осмыслении, систематизации, обобщении новой реальности и вместе с тем огромных пластов накопленного предшественниками фактологического багажа. В зарубежной науке эта тенденция определилась уже к середине нынешнего века, в отечественной она стала ощутимой чуть позже – с конца 1960-х годов – и проявляется достаточно отчетливо до настоящего времени. Даже в исследованиях, посвященных частным проблемам изучаемых народов, ныне доминируют общетеоретические, часто абстрактные темы. В то же время вряд ли исчерпана потребность нашей науки и общества в этнографических исследованиях классического образца. Монографии, подобные книге А.Е. Тер-Саркисянц, существенно восполняют дефицит такого рода. Не случайно ее появление приветствовалось коллегами особенно старшего поколения, опытными «полевиками», знающими цену первичного «сырья», носители которого – живые люди – уходят каждый день и уносят с собой невосполнимую информацию и опыт.

При всем осознании неизбежности индивидуального и культурного субъективизма в подходах (ученые как представители разных культур и научных школ неизбежно обречены набрасывать на один и тот же материал разные мировоззренческие сети) самоценность и научная самодостаточность эмпирического

полевого материала представляются неоспоримыми. Теории и оценочные критерии меняются, но все новые и новые концептуальные построения основываются, как правило, на добротных, ставших сегодня классикой полевых источниках наших предшественников. К ним как к драгоценнейшим первоисточникам, равным документу для историка, предмету для археолога, всякий серьезный исследователь обращается в первую очередь. Именно полевой материал остается сердцевиной и основным инструментом этнологии как научной дисциплины. А главным ее предметом, точкой отсчета является построенное прежде всего на такого рода первоисточниках, наиболее полное и объективное описание народа.

Поэтому так отрадно возобновление в последние годы в стенах Института этнологии и антропологии традиции плановой полевой работы не только по прикладным, но и по фундаментальным научным проблемам. Решение о публикации серии комплексных монографических исследований по отдельным народам, начало которой уже положено⁵, – очевидное свидетельство согласия научного сообщества по основополагающим позициям в определении предмета этнологии /социальной или культурной антропологии.

Примечания

¹ С 1896 по 1916 г. в «Этнографическом журнале» («Азгагракан хандес») Е. Лалаяном было опубликовано 12 статей по этнографии различных областей Армении. Первый том журнала был издан в Шуше, все последующие – в Тбилиси.

² Лисицян С.Д. Очерки этнографии дореволюционной Армении // Кавказский этнографический сборник. Т. 1. М., 1955. С. 182–264.

³ Армяне. // Народы Кавказа. Т. II. М., 1962.

⁴ Бдоян В.А. Этнография армян. Краткий очерк. Ереван, 1974 (на арм. яз).

⁵ См., напр.: Русские. М., 1997; Белорусы. М., 1998.

Л.В. Самарина

© 2001, ЭО. № 2

З.В. А н а й б а н. Межнациональные отношения в Туве в 90-е годы (по материалам этносоциологических исследований). М., 1999. 336 с.

В настоящее время проблема межнациональных отношений стала одной из самых болезненных точек российской действительности. Она характерна как для Российской Федерации в целом, так и для ее национальных регионов. Свидетельство тому – последние трагические события в Чечне и Дагестане. Печальный опыт межэтнического противостояния подтверждает, что сегодня как никогда необходима объективная и оперативная информация о реальных тенденциях развития межэтнических отношений в регионах. Игнорирование этих проблем нередко приводит к негативным последствиям. В этой связи исследование современных межэтнических отношений в Туве – отдаленном от европейской части России регионе – представляется чрезвычайно интересным.

Работа состоит из четырех глав, освещающих теоретические и методологические принципы исследования, этнополитическую ситуацию в республике, межнациональные проблемы тувинского и русского этносов.

Современная этноконфликтология, как зарубежная, так и отечественная, до сих пор имела несколько иное представление о природе и сущности межнациональных разногласий. Российский опыт существенно обогатил и дополнил эту картину новыми сюжетами. Один из подобных конфликтов, трагичный и безжалостный, имел место в небольшой республике в центре Азии – Туве.

Республика Тува расположена в юго-восточной части Сибири и занимает площадь 170,5 тыс. км², ее население – 310,2 тыс. чел. (в среднем 1,7 жителя на один км²). Тува гораздо позже других автономий вступила в состав Союза ССР и РСФСР. – лишь в октябре 1944 г. До этого, в период 1921–1944 гг., республика была самостоятельным государством.

Тува всегда привлекала внимание политиков, историков, этнографов, экономистов. Для этого есть